

Зеркало
Время

ТАТЬЯНА ШМЫГА

Жизненный парадокс: мечтала совсем о другом, а стала артисткой оперетты

Помню, как
Герард Васильев
появился в нашей
труппе

«Карамболина»
из оперетты
«Фиалка Монмартра»
буквально срослась
со мной

Кремер написал
для меня четыре
музыкальных
произведения

Счастье мне улыбалось

Зеркало памяти

Татьяна Шмыга

Счастье мне улыбалось

«Издательство АСТ»

2019

УДК 792.78:929
ББК 85.335.43(2)6-8

Шмыга Т. И.

Счастье мне улыбалось / Т. И. Шмыга — «Издательство АСТ»,
2019 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-114711-2

Образы героинь, созданные Татьяной Шмыгой (1928–2011) на сцене Московского театра оперетты, не забудутся никогда. Их помнят по спектаклям «Фиалка Монмартра», «Поцелуй Чаниты», «Цирк зажигает огни», «Девичий переполох», «Моя прекрасная леди», «Катрин», «Джулия» и многим другим. Оперетта – уникальный жанр, предъявляющий артисту особые требования: петь, как оперный певец, танцевать, как солист балета, играть, как драматический актер. При этом иметь привлекательную внешность и неотразимое обаяние. Именно этот сплав и рождает примадонну. А неоспоримой примой российской оперетты долгие годы была Татьяна Шмыга. В своей книге она рассказала о Театре оперетты второй половины XX века, о его взлетах и падениях, об известных актерах, среди которых Герард Васильев, Александр Горелик, Владимир Канделаки... И конечно же, о себе, своей судьбе и работе, без которой просто не могла жить.

УДК 792.78:929
ББК 85.335.43(2)6-8

ISBN 978-5-17-114711-2

© Шмыга Т. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Подарок судьбы[1]	6
Все мы родом из детства	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Татьяна Шмыга

Счастье мне улыбалось

В оформлении книги использованы фотографии из архивов автора и *Галины Гладштейн*

© Т.И. Шмыга (наследник), 2019

© Г.В. Гладштейн, предисловие, фото, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Подарок судьбы¹

Мое увлечение фотографией неразрывно связано с театром. Наверное, я бы не взяла в руки фотоаппарат, не появившись в моей жизни Татьяна Ивановна Шмыга, которую хотелось запечатлеть во всех ее сценических воплощениях.

Первый раз я увидела знаменитую актрису в спектакле «Поцелуй Чаниты», потом в «Севастопольском вальсе» и была потрясена ее игрой. Даже сегодня, много лет спустя, когда вспоминаю ее выход на сцену в «Севастопольском вальсе» во втором отделении с песней «Девушки-бойцы», у меня на глаза наворачиваются слезы. Она играла и пела гениально. Все зрители в зале плакали.

Я стала посещать все спектакли с участием Шмыги и много фотографировать ее. Когда накопился качественный фотоматериал, сделала альбом для Татьяны Ивановны по спектаклю «Девичий переполюх». Благодаря моей знакомой билетерше из театра я встретила с актрисой. Шмыга смотрела альбом внимательно и комментировала некоторые фотографии: «Ой, как это хорошо, и это – замечательно!» Закончив, сказала: «Знаете, Галочка, посмотрев ваши фотографии, можно на спектакль уже не ходить. А вы принесли альбом мне в подарок или просто показать?» Конечно, это был мой подарок. Так началось наше общение – это был 1968 год, и наша дружба продолжалась больше сорока лет, до конца ее жизни.

Однажды Татьяна Ивановна узнала, что я еще и шить умею. А для Шмыги наряды играли особую роль. Не случайно она слыла одной из самых стильных актрис в стране. Некоторые сценические наряды я ей шила с нуля. И все платья и костюмы, которые Татьяна Ивановна приобретала в магазинах, мы с ней всегда дорабатывали. Один из таких нарядов мне запомнился на всю жизнь. В начале 90-х некий крупный бизнесмен выкупил на Неделе моды в Париже целую коллекцию платьев и привез в Москву. Он пригласил нескольких знаменитых актрис, в том числе Татьяну Шмыгу и Майю Плисецкую, и предложил им выбрать в подарок по три наряда. Среди прочих Шмыге очень понравился красивый черный кружевной костюм. Он стоил огромных денег, по тем временам можно было купить три машины. Татьяна Ивановна его примерила и расстроилась: он оказался маловат. Надеюсь, что я смогу костюм переделать, она все же взяла. Я хотела отказаться: а вдруг испорчу его? «Не страшно, – был ответ, – я тебе доверяю». И действительно, все получилось хорошо.

Моей любимой опереттой была «Фиалка Монмартра». Роль Нинон стала визитной карточкой Татьяны Ивановны Шмыги. Даже на памятнике она изображена на фоне занавеса в костюме из номера «Карамболина». Исполнение этой песни и задорного танца являлось настоящим фейерверком: красно-черное платье, шикарный балет на втором плане и канкан Татьяны Ивановны, ставший знаменитым. Зал всегда неистовствовал после этой сцены, поэтому она выходила на «бис» по два-три раза. По окончании танца на сцену всегда летели цветы. Однажды во время «Карамболины» у нее одна туфля слетела с ноги и, минуя оркестровую яму, упала в партер. Шмыга лишь задорно рассмеялась и дотанцевала номер без туфли.

Постепенно наши отношения стали практически родственными. Вместе с ней я много раз ездила на гастроли. Она меня брала в качестве костюмера-гримера. Так как я фотографировала, то хорошо видела все недостатки прически, платья, грима и быстро могла их исправить. По специальности инженер, я работала в московском НИИ приборостроения и, чтобы без ущерба для работы выезжать с Татьяной Ивановной, мне приходилось накапливать отгулы за счет переработок.

Когда Татьяна Ивановна вышла замуж за Анатолия Кремера, она стала принимать участие в концертах, которые давал его оркестр. Это еще больше способствовало ее популярно-

---

¹ Литературная запись текста Павла Соседова.

сти, как и телевизионные бенефисы «Нет меня счастливее» и «Свидание назначила Татьяна Шмыга», на съемках которых я была и фотографировала.

Когда для телевидения снимали оперетту «Граф Люксембург», получилось так, что съемки одной из сцен были разбиты на два дня. А это означало, что на следующий день волосы надо было уложить ровно так, как накануне. И Татьяна Ивановна придумала. Позвонив мне в 11 часов вечера, она попросила: «Галя, напечатай, пожалуйста, до завтра мои сегодняшние портреты». Пришлось ночью проявлять, закреплять, печатать, сушить. А утром я принесла в телестудию снимки, и гример, глядя на них, уложила Татьяне Ивановне локоны...

Помню, когда Алла Николаевна Баянова приехала в СССР, она произвела на советской эстраде настоящий фурор! Ее репертуар, голос и уникальная манера исполнения моментально покорили миллионы зрителей. Татьяна Ивановна тоже была в восторге от Баяновой. И я пригласила Шмыгу на концерт Аллы Николаевны в ЦДРИ. Воздействие певицы на публику было, как всегда, магическим. Но когда Алла Николаевна спела пронзительную песню «Я тоскую по Родине», Шмыга не выдержала и поднялась на сцену. Ее так растрогала эта песня, что она в эмоциональном порыве встала перед Баяновой на колено и сказала: «Алла Николаевна, я вами просто потрясена», – и протянула цветы. Это был настолько неожиданный и трогательный порыв со стороны Татьяны Ивановны, что Баянова растерялась, а зрители долго аплодировали. Артистки обнялись и расцеловались. С тех пор они стали přátельствовать.

У Татьяны Ивановны была очень тонкая и трепетная душевная организация, она обладала удивительной способностью сострадать человеку, отзываться на чужие проблемы. Не раз помогала она и мне в сложных ситуациях.

В свое время Виталий Вульф вел передачу «Серебряный шар», где рассказывал о выдающихся артистах. Ему как-то задали вопрос: «А почему вы о Шмыге не делаете программу?» И он ответил примерно следующее: «А у нее нет интересных историй, у нее очень гладкая жизнь и карьера, нету драматургии». Со стороны так оно и выглядело. Даже Кремер говорил: «Таня, ты идешь по своей жизни, как по зеленой дорожке. Тебе все дается». Она ответила: «Да, счастье мне улыбалось». Сама за себя актриса никогда не просила, люди и роли сами к ней приходили. И она работала – хорошо, честно, с полной самоотдачей. Вроде бы у нее и гладкая жизнь, но тогда откуда в этой женщине взялись такой душевный трепет, тонкий музыкальный талант, мощный и правдивый актерский дар?

Возможно, за свою гладкую, успешную и во многом счастливую жизнь Татьяне Шмыге пришлось расплатиться тяжелым трагическим уходом. Болезнь развивалась постепенно. Начали болеть ноги, нарывал палец, не заживал практически год, а она, не обращая внимания на боль, продолжала во всех своих спектаклях танцевать. Криком кричала, надевая туфли. С этой болью встретила и свой юбилей – 80-летие, который прошел просто блестяще, никто ни о чем даже не догадался – так легко она двигалась на сцене, в финале исполнила на «бис» «Карамболину».

В апреле 2010 года Татьяна Ивановна оказалась в больнице: стала развиваться гангрена. В начале сентября врачи предложили ампутировать ногу, что прозвучало как приговор. Ей пришлось согласиться на эту страшную операцию, но, к сожалению, это не спасло, а лишь продлило жизнь на полгода. Для всех нас тот период был очень тяжелым.

В свой день рождения 31 декабря Татьяна Ивановна была в больнице, и мы пришли ее поздравить. Она чувствовала себя более-менее стабильно. А второго января ее состояние ухудшилось. Мы приехали к ней, и она стала с нами прощаться и просить прощения. Через месяц с ней уже попрощались мы и вся страна.

Сегодня для меня любовь и тепло Татьяны Ивановны хранят тысячи фотографий, которые живут в моих альбомах, подписанных ее рукой.

Галина Гладиштейн

Все мы родом из детства

Как-то во время одного интервью меня спросили: «Чего в жизни вы боитесь больше всего?» Я ответила, что самое страшное для меня – это терять близких, друзей... Таких потерь, увы, пришлось пережить немало. Дорогие тебе люди уходят, и ты с особой остротой начинаешь понимать, что они значили в твоей жизни...

У меня на столике около кровати всегда стоит фотография мамы и папы. Их давно уже нет, но они всегда со мной. Каждое утро, глядя на их фото, я здороваюсь с ними и каждый вечер говорю им мысленно: «Спокойной ночи, дорогие...» И не перестаю себя корить, что при их жизни отдала не все, чего они заслужили, а лишь малую часть. Когда я начала работать над книгой воспоминаний, мои первые мысли были о родителях. У них я попросила благословения на непростое для меня дело. И первые страницы этой книги будут о них.

* * *

Мои родители были люди просто замечательные – красивые, добрые. И очень дружные: их отношения между собой – одно из самых светлых моих воспоминаний.

В детстве я мало знала о своих корнях. Так сложилось, что мы с братом выросли без бабушек и дедушек. Дед со стороны папы умер, когда папе было всего шесть лет, а мамин отец умер, когда ей едва исполнилось восемь. Так что дедов своих я знать не могла. А из бабушек я помню, и то не очень хорошо, только одну – мамину маму, бабушку Наташу. Она умерла, когда я была совсем маленькой.

По рассказам мамы я знаю, что мой дед Григорий работал в Москве десятником на строительстве церквей. Одной из последних его построек был большой Богоявленский храм в Дорогомилове, который начали возводить на пожертвования верующих в 1898 году на месте старой церкви. Сумму собрали значительную, так что храм построили очень большим – в нем могли одновременно молиться около 10 тысяч человек. Богоявленская церковь была в Москве второй по величине после храма Христа Спасителя.

Дедушка Григорий еще участвовал в водружении над новой церковью креста, а вот до окончания отделки храма он не дожил. Как вспоминала мама, церковь Богоявления была большая, белая. В 1932 году именно в ней отпевали бабушку Наташу, которая перед своей кончиной жила в Дорогомилове.

Через шесть лет красавец храм разрушили и на его месте построили большой серый жилой дом с огромными окнами-витринами (это на углу Большой Дорогомиловской и 2-й Брянской улиц). Как в жизни все переплетено: в этом доме, на месте храма, построенного моим дедом, теперь живет моя приятельница...

Мама рассказывала, что она запомнила, как деду Григорию привозили на дом мешки с деньгами – для выплаты строительным рабочим, которыми он руководил. И удивительное дело – рабочие не хотели брать за свой труд металлические деньги, а просили расплачиваться с ними бумажными ассигнациями, потому что тяжелые монеты протирали им карманы, а «бумажки» были легкими. Знали бы они, какую большую ошибку совершают: через десять лет бумажные деньги потеряют всякую ценность, а рубли царской чеканки впоследствии будут так цениться за содержание в них драгоценного металла. Их потом еще долго хранили в некоторых семьях – на черный день. Мама говорила: «Я так и вижу эти мешки с золотыми монетами». Теперь этим рублям и червонцам цены бы не было...

После смерти мужа бабушка Наташа осталась одна с шестью детьми: у мамы были еще сестра и четыре брата. Один из них утонул совсем молодым, а трое других погибли во время

Великой Отечественной войны. Став вдовой, бабушка не растерялась. Судя по всему, была она женщина энергичная, потому что открыла небольшой трактир в своем доме на Нижегородской улице, в районе Абельмановской (тогда она называлась Покровской) заставы.

Бабушка хоть и имела «свое дело», но жила с детьми стесненно – все помещались в небольших комнатках позади трактира. Конечно, в доме со стороны двора имелись всякие пристройки и чуланчики, но они были предназначены для хозяйственных нужд. Бабушка держала там и птицу. И вот однажды с ее гусями произошел невероятный случай. Тогда во многих семьях было принято делать домашние настойки и наливки из всевозможных ягод. Делала их и бабушка Наташа – заполняла вишней большие высокие бутылки, которые назывались четвертями, насыпала сверху сахар и ставила их бродить. Одна из таких бутылей со временем оказалась негодной – перестояла, вишни в ней прокисли, и их выбросили на помойку.

Утром, выйдя во двор, бабушка увидела, что все ее гуси лежат бездыханными, и решила, что они неизвестно отчего подохли. Использовать в пищу падшую птицу нельзя, и тогда подумали, что пусть хоть перья и пух от этих гусей пойдут в дело. Птиц ощипали, и тут – о ужас! – гуси вдруг стали шевелиться, приходить в себя. Оказалось, что они, наклевавшись пьяной вишни, просто настолько опьянели, что их приняли за мертвых... Так потом эти гуси и ходили по двору ощипанными...

Достаток в бабушкиной семье был, что и говорить, весьма относительный, но она смогла одна, без чьей-либо помощи, поставить детей на ноги, пока они не стали жить самостоятельной жизнью. Всех своих детей бабушка Наташа приучила к труду. И моя мама уже с восьми лет помогала ей по дому и в трактире. Потом она и меня так же воспитывала: с детства внушала, что я должна многое уметь делать дома. Мама говорила мне: «Неизвестно, как сложится жизнь. Сначала научись все делать, а барыней всегда сможешь побыть...»

* * *

В конце двадцатых годов, когда в стране наметился «великий перелом», переход к строительству социализма, к коллективизации, прежнюю программу «новой экономической политики» (нэп) свернули и начали притеснять частных предпринимателей, собственников. Под эту кампанию попала и бабушка: у нее отняли трактир, а ее выслали из Москвы в городок Александров. Родители отправили меня вместе с ней – поближе к природе, из пыльного города на свежий воздух. Потом бабушке Наташе удалось вернуться в Москву и она какое-то время жила с нами, а почти перед самой кончиной – у своих сестер в Дорогомилове. Там у них был собственный домик, в котором они все жили: бабушка по рождению была из Дорогомилова. Она и три ее сестры – Елена, Полина, Анна – были очень красивыми. Но среди них выделялась тетя Лена, или Леля, как ее звали родные, она была просто настоящей красавицей. Моя мама внешностью пошла в свою мать и теток.

С жизнью в Александрове связан не самый радостный эпизод в жизни нашей семьи – там я чуть не утонула. Дом, где мы жили с бабушкой, стоял на взгорье, а внизу текла речушка. Была она мелкая, дно ровное, и только у противоположного берега какой-то провал – что-то вроде канавы. Глубина была настоящая, и там даже ловили рыбу. В один из дней бабушка сидела на высоком берегу, что-то вязала, а я на ее глазах плескалась на мелководье. И как-то так случилось, что я незаметно очутилась около этой подводной канавы и скатилась в нее. Плавать в то время я, естественно, не умела – мне было всего четыре года. Бабушка увидела, что я уже почти скрылась под водой. Сделать в той ситуации она ничего не могла: прыгнуть в речку с высокого берега ей было не под силу, поскольку бабушка была сердечницей (как и моя мама потом). К счастью, на противоположном берегу сидел какой-то мужчина с сыном и удил рыбу. Услышав бабушкины крики, рыболов оторвал взгляд от своего поплавка и стал

оглядываться, не понимая, в чем дело. Увидел только, что из воды торчит какой-то бант... Вот за этот бант они с сыном меня и вытащили...

* * *

Что касается папиной родни, то лишь относительно недавно я узнала точно, что они из Польши. В конце 80-х годов мы с театром были на гастролях в Ленинграде. Наши спектакли шли на сцене зала «Октябрьский». И вот в один из вечеров, когда я после выступления выходила на улицу, около служебного подъезда ко мне подошла высокая девушка. «Это вы Шмыга? – Незнакомка говорила по-русски, но с явным акцентом. – А я внучка сводной сестры вашего отца. Когда-то он просил бабушку прислать ему его метрику». И девушка протянула мне какой-то документ.

Поговорить подольше у нас не получилось – она куда-то торопилась. Моя польская родственница, оказавшаяся двоюродной племянницей, успела только сказать, что ее бабушка (моя тетя) жива, а сама она студентка, приехала в Ленинград учиться в медицинском институте.

В свое время папа действительно просил свою сводную сестру прислать ему метрику. В паспорте он писался русским, хотя знал, что их семья приехала в Москву из восточных областей Польши, из Западной Белоруссии. Наша фамилия казалась ему странной. Он говорил: «Не пойму, откуда она у меня? Почему я Иван Шмыга? Не было у нас такой фамилии. У нас в роду, насколько я помню, были Козловские, Мицкевичи...» На что мама, а она была у нас остроумная, с большим чувством юмора, отвечала: «Да не примазывайся ты к великим! Что же теперь делать? Проживем и с фамилией Шмыга...»

И вот теперь в метрике отца я смогла прочитать, что он «Ян Мицкевич, сын Артемия и Ксении... поляк... родился в 1899 году...» Было указано и место рождения – деревня Миклаши Белостоцкого уезда... И печать на документе, очевидно, церковная... Не дождался папа этой метрики...

* * *

Как папа, его братья и сестра Ефросинья оказались в Москве? Когда началась Первая мировая война, их семья, спасаясь от наступавших немцев, в 1915 году решила бежать из Польши, которая тогда была частью Российской империи, в Москву. К тому времени бабушка Ксения уже второй раз была замужем, имела дочь. Когда стало возможно, она с этой дочерью (имени ее я не помню) в 1916 году вернулась на родину, сыновья же и старшая дочь Фрося решили остаться в Москве. А вскоре события начали развиваться так, что семья оказалась разделена границей: Польша стала самостоятельным государством.

Отношения Советского Союза с Польшей были тогда далеко не безоблачными, так что папа с братьями и думать не могли о том, чтобы переписываться с матерью и младшей сестрой – не те были времена и условия. Долгое время бабушка Ксения и ее сыновья ничего не знали друг о друге. Лишь в 1939 году, когда Западная Белоруссия стала частью СССР, появилась возможность переписываться: теперь все были гражданами одной страны. Тогда-то, наверное, папа и попросил свою сводную сестру прислать ему метрику. Но начавшаяся вскоре война прервала их переписку.

Она смогла возобновиться лишь после войны, да и то не сразу. Моя польская тетя писала папе: «Ваня, приезжай к нам. Здесь у тебя есть земля...» Но в первые послевоенные годы поехать в Польшу было непросто. За это можно было поплатиться: как же, родственники, оказавшиеся на временно оккупированной территории, а теперь еще и за границей! Но даже когда после смерти Сталина у нас в стране начались некоторые послабления, да и Польша к тому времени стала считаться социалистической страной, папа так и не собрался, хотя мысли о поездке

к матери и сестре не оставлял. А моя мама шутила: «Куда же я тебя отпущу? Там у тебя столько родни! Как начнут принимать, угощать... Тебя потом и не докличешься...» Так папа и не съездил в Польшу, где его ждала метрика... Теперь она хранится у меня...

* * *

Судьба у папы была нелегкая – он в жизни всего добивался сам. Еще в Польше, в детстве, был пастушонком у богатых хозяев. Когда в шестнадцать лет он оказался в Москве, то сначала стал работать в мастерской у одного известного тогда в городе часовщика. Потом устроился помощником машиниста паровоза на Нижегородской ветке железной дороги, а потом и сам стал машинистом. В те времена профессия железнодорожника была очень почетной. Впоследствии, уже в годы Гражданской войны и разрухи, именно благодаря работе на паровозе папа мог по дороге покупать какие-то продукты, чтобы хоть как-то прокормиться, потому что в Москве было голодно и купить ничего нельзя.

Папа всегда мечтал учиться. От природы он был очень способным, быстро все усваивал. Это стремление к знаниям и привело его потом на рабфак. Меня всегда поражало, что папа, не получивший в детстве и юности систематического образования, писал без единой ошибки – видимо, у него была врожденная грамотность. А возможно, что у него были и какие-то нераскрывшиеся лингвистические способности, предрасположенность к языкам. Ведь рождаются же люди гуманитариями. И не важно, каким делом они потом занимаются в жизни. Удивительно, но и почерк у папы был каллиграфический, хотя чистописанию он не обучался. Говорил папа на хорошем, правильном русском языке. Я привыкла к этому с детства, поэтому мне сейчас так режет ухо тот жуткий язык, который слышу порой с экранов телевизоров, которым заполнены полосы теперешних газет. Меня коробят все эти даже не слова, а словечки, неправильные ударения, согласования, неправильные числительные, не к месту, больше для псевдошику, употребляемые заграничные «консенсусы» или «саммиты», хотя в русском языке есть прекрасные аналоги этим словам. Уважение к своему родному языку – это ведь и уважение к себе...

Поработав машинистом, папа поступил учиться на рабфак, получил впоследствии диплом инженера-металлиста. Но инженером-практиком ему стать не довелось – его направили работать в Центральное статистическое управление (ЦСУ).

* * *

Знакомиться моим родителям не пришлось: они знали друг друга задолго до того, как поженились. Папа дружил со старшим маминым братом Мишей, а для нее он с детства был просто дядей Ваней. Она совсем ребенком иногда просила его: «Дядя Ваня, покатай нас с подружкой на саночках». Вот так катал он маленькую Зиночку, катал, а потом, когда она выросла, взял да и влюбился. Бабушка очень хотела их брака, потому что мой папа был ей по душе. А мама и думать не желала о нем – папа был старше ее на десять лет. Да и нравился ей тогда совсем другой парень. Но папа умел красиво ухаживать, во всем ей потакал, к тому же одевался он очень элегантно (это останется у него на всю жизнь). В результате своего добился – в двадцать лет мама вышла за него замуж.

Когда мои родители еще не были женаты, они часто ходили на танцы и на каток. Папа рассказывал, как мама, очень любившая сладкое, могла во время катания съесть сразу полкило шоколадных конфет «Мишка»: «Катается и одну за другой отправляет их в рот». А на танцы они ходили на Абельмановскую площадь. Там стояла большая красная церковь, которую в годы гонений на религию превратили в рабочий клуб. Для трудящейся молодежи тогда устраивали не только лекции, но и танцевальные вечера, которые модно было называть балами. Мама с

папой очень любили танцевать и делали это замечательно – за исполнение мазурки, венгерки они даже получали призы.

К тому времени, когда родилась я, папа еще работал в Статистическом управлении, даже писал книги по статистике. Потом его перевели в ВЦСПС. И, где бы он ни работал, его везде уважали, любили – он умел располагать к себе людей, был человеком честным, открытым. Его честность не позволила ему немного изменить дату моего рождения. Дело в том, что я родилась 31 декабря, и не просто в последний день года, а за три часа до наступления нового.

В тот вечер у нас должны были собраться гости, уже готовились накрывать праздничный стол. И тут дала о себе знать хоть и ожидаемая, но не приглашенная на этот вечер гостья. Маму отвезли в ближайший роддом, на Радищевской улице, близ Таганки. Там я и появилась на свет как раз под Новый год. Не могла потерпеть, чтобы родиться всего на несколько часов позже и быть в паспорте на год моложе. Мама была «возмущена» такой «несправедливостью» судьбы: по-женски она понимала, что девочке было бы лучше, если бы ее записали первым днем нового года, а не последним днем старого. Но папа, как человек принципиальный, оформил в загсе все именно так, как произошло, – дочь сама виновата, что оказалась такой нетерпеливой...

Имя мне тоже выбрал папа. Незадолго до моего рождения они с мамой пошли в расположенный неподалеку от нас филиал Малого театра. В те годы он размещался в здании, где теперь работает Театр на Таганке. Филиал Малого давал здесь свои спектакли до 1946 года, пока не переехал на Большую Ордынку. Здание передали Театру драмы и комедии, который в 1964 году был преобразован в нынешний театр. В старый филиал Малого я потом тоже ходила, помню, что в спектакле «Не было ни гроша да вдруг алтын» я еще девочкой видела знаменитую В. О. Массалитинову. А тогда, перед самым моим рождением, папа с мамой смотрели там пьесу «Татьяна Русских и Иван Козырь». Что это был за спектакль и о чем, я не знаю, но, видимо, героиня так понравилась папе, что он решил назвать ее именем родившуюся вскоре дочь. Кажется, он даже не посоветовался с мамой. Вот так я и стала Татьяной. Зато крестили меня бабушка с мамой тайком от папы – ездили для этого специально куда-то за город, поскольку папа в юности был комсомольцем, человеком по-тогдашнему «сознательным». Правда, из комсомола его потом исключили за то, что одевался он «по-буржуазному», носил галстуки. По тем временам это было «пережитком прошлого», как, впрочем, «непролетарским» считалось и ношение колец, других украшений.

Надо сказать, что мои родители были театрами. Я с детства запомнила, как они собирались на какой-нибудь спектакль. Это был целый ритуал – они настраивались на праздник, который их ожидает вечером, заранее. Мама с утра шла в парикмахерскую – делала прическу, маникюр. Папа надевал хороший костюм, белоснежную рубашку, которую иногда даже сам переглаживал после мамы или меня – так он был требователен. Я уже говорила, что папа мой был франт, любил хорошо одеться – не в смысле броско, а элегантно. Вспоминаю их тогдашние сборы и сравниваю с теперешним отношением к театру. О каком-то особом предвкушении праздника теперь говорить почти не приходится – большинству зрителей не до таких вот специальных приготовлений. Сейчас ведь как – поднялся и побежал, в свитере, в джинсах, как выйдет. Хорошо, если в театр удастся попасть в выходные дни. А в будни?.. Конечно, жизнь теперь такая динамичная, расстояния в больших городах такие, что успеть бы только доехать до театра после работы или из какого-нибудь отдаленного спального района и не опоздать к началу. Так что все объяснимо. И тем не менее жаль – что-то праздничное уходит...

* * *

Поскольку я родилась под самый Новый год, то и отмечали его у нас особенно торжественно – сразу два события. С раннего детства я помню особую атмосферу, которая была в доме в этот день. И был он для меня самый радостный, самый запоминающийся. В комнате

обязательно устанавливали большую, под самый потолок, елку. А был он у нас высокий – в три с лишним метра.

Сейчас уже мало кто знает, что до середины 30-х годов в Советском Союзе было запрещено встречать Новый год с елкой, поскольку почему-то посчитали этот обычай идеологически вредным, буржуазным, пролетариату ненужным. Но папа, несмотря ни на какие запреты, не хотел лишать ребенка праздника. 31-го, как только темнело, он облачался в полушубок, меховую шапку и уезжал за елкой. Москва тогда была намного меньше, чем сейчас, так что добраться на «паровичке» (электричек еще не существовало) до ближайшего пригородного леса было несложно. Как папа провозил самовольно срубленную елку на поезде, не знаю. А в самом городе он шел пешком по темным улицам (Москва тогда освещалась скудно) и тащил елку на себе: появляться с ней в трамвае тоже было нежелательно, да и ходили ли они в такое позднее время регулярно, неизвестно. А время поджигало, и папа торопился.

Лесная пахучая красавица появлялась у нас в доме за час-два до наступления Нового года, и мы спешно начинали наряжать ее. Игрушек тогда в магазинах, конечно, не было, так что мама заранее мастерила их сама, что-то у нее сохранялось от прежних времен. А еще вешали мы на елку и конфеты, и орехи, и мандарины... До сих пор помню, как в комнате замечательно пахло свежей хвоей, лесом... Даже во время войны мы старались поддерживать традицию наряжать елку – умудрялись каким-то образом, несмотря на тяготы тех трудных лет.

* * *

С детства я люблю еще один замечательный запах – запах свежее испеченного хлеба. В доме, где мы жили, внизу была булочная, а во дворе находилась пекарня. Этот дом и пекарня когда-то принадлежали булочникам Титовым, до революции не менее известным в Москве, чем знаменитый Филиппов. Черный ход, который существовал в доме, вел из квартиры хозяев на втором этаже на первый этаж – в магазин.

Помню, каким вкусным казался этот хлебный запах в насытые 30-е годы и особенно во время войны – ведь хлеба тогда недоставало очень многим. И вечно полуголодные ребята из бедных семей, которых немало жило и в нашем, и в окружающих домах, норовили стащить буханку. Конечно, они часто попадались, так что в нашем дворе чуть ли не половина подростков отсидела свои сроки за кражу единственной буханки.

Мы знали, кто до революции были хозяева дома, но ни о них самих, ни о их судьбе, о том, куда они делись, нам не было известно. Может, кто-то из их бывших работников (если они еще оставались) в булочной или в пекарне что-то и знал, но у нас об этом не говорили. Правда, помню, что в доме оставалась жить кухарка самого Титова, тетя Дуня. Она занимала небольшую комнату в нашей коммунальной квартире. Точнее сказать, это была даже не комната, а отгороженная часть кухни. После революции, после так называемого уплотнения в огромной многокомнатной квартире бывшего хозяина поселили сразу восемь семей. Хотя соседей было много, но я не помню, чтобы у нас возникали какие-нибудь значительные конфликты. Как-то все умудрялись уживаться, хотя люди были разные – кто более открыт, кто менее.

Свой дом купцы Титовы построили еще в середине XIX века. Сначала он был двухэтажный, а потом, по мере роста их доходов, появился и третий этаж, дополнительные служебные постройки во дворе. Дом был добротный, вместительный, разумно распланированный: верхние этажи были жилыми, внизу шла торговля, во дворе пекли хлеб, который сразу поступал в магазин. Дела, столь прекрасно налаженные, конечно же, процветали. Это было заметно и по тому, как хозяева оборудовали свою огромную квартиру. Она была не просто комфортна, с ванной, водопроводом, но и красива: просторные комнаты, высокие потолки с лепниной, большие окна с широкими мраморными подоконниками, паркетные полы...

Комната, в которой жили мы, была частью большого, в 50 квадратных метров, красивого зала в квартире Титовых. В свое время папе выделили этот зал целиком, но его другу, у которого недавно родился сын, негде было жить. И папа поделился с ним, чтобы тот с женой и ребенком мог поселиться в более или менее комфортабельных условиях. Они перегородили зал пополам. Получилось две большие комнаты. Наша была угловая, очень светлая, в три окна. Окна выходили сразу на две улицы – Ульяновскую и Земляной вал. Потом, в конце 30-х годов, после гибели знаменитого летчика, его переименовали в улицу Чкалова. Во времена моего детства москвичи называли этот район Землянкой. «Ты где живешь?» – «На Землянке». И все понимали, что это на Садовом кольце, на Земляном валу, даже не на всем его протяжении, а между Курским вокзалом и Таганкой, в низине, образованной протекающей здесь Яузой, в районе Ульяновской улицы, Дровяных и других переулков...

Забегая вперед, скажу, что теперь нашего дома нет – остались только часть пекарни Титовых (сейчас это владение № 71 по улице Земляной вал) да какой-то флигель в бывшем дворе. Когда в 60-х годах от Курского вокзала в сторону Таганской площади строили эстакаду, она пересекла Ульяновскую (теперь снова Николоямскую) улицу, и пришлось снести несколько домов, в том числе и тот, где я прожила детство и юность...

У нас дома был большой буфет – папино «приданое» (он сохранился и стоит теперь у меня на даче). Этим буфетом нашу комнату, в свою очередь, тоже перегородили – в одной части устроили спальню, а из другой получилась «гостиная».

Я вспоминаю нашу комнату с удовольствием. Моя мама была просто помешана на чистоте: хотя у нас и без того все всегда блестело, она постоянно что-то мыла, вытирала... Думаю, что она и сердце-то свое надорвала потому, что все время наводила порядок, не позволяя себе лишний раз отдохнуть.

В связи с этой чистотой в нашей семье вспоминали один случай. Главной героиней той истории была я. Сама я помнить об этом не могла из-за малого возраста – о моих тогдашних «подвигах» мне рассказала мама.

В прежние годы в домах было очень распространено укрывать мебель – диваны, кресла, стулья – светлыми чехлами. И у нас они были, а на окнах висели красивые светлые шторы с вышивкой «ришелье», их специально заказывали у мастериц. Естественно, что все это у мамы было идеально чистым. Однажды, когда папу ждали из очередной командировки, мама с бабушкой Наташей принялись к его приезду снова наводить порядок – мыли полы, окна, стирали, крахмалили, гладили... Наконец надели чехлы на мебель, повесили шторы и пошли на кухню что-то готовить.

Я оставалась в комнате одна. На мраморном подоконнике у нас стояла старинная чернильница в виде большого квадратного куска стекла, с двумя отверстиями для чернил. Я засунула в них пальчики и пошла «печатать» ладошкой по только что выстиранным чехлам... Наверное, маленькому ребенку – мне не было еще и двух лет – было интересно видеть, как на светлом фоне появляются темные пятна. Насажала я их много... Когда бабушка и мама вернулись в комнату и увидели мои «художества», им стало плохо. Бабушка заплакала, а мама отшлепала меня. Папа должен вот-вот приехать, а тут такое! Пришлось срочно все начинать сначала – стирка, сушка, глажение...

С папиными командировками связана и такая подробность моего раннего детства. Через какое-то время после моего рождения папу послали от Статистического управления в Среднюю Азию – проводить перепись. Пробыл он там долго, и, когда вернулся, я его не узнала: за те девять месяцев, что он отсутствовал, я успела его позабыть и потом около года называла дядей. Бабушка Наташа сердилась и даже шлепала меня, когда я ошибалась и не называла его папой.

А чернильница (она потом исправно служила мне все мои школьные годы) в нашей семье стала почти легендарной по части происшествий: с ней у меня связан еще один не самый приятный случай. Кроме обычной я посещала и музыкальную школу. Как-то на одном концерте меня

поставили на стул, чтобы я продирижировала нашим хором. В награду за хорошее выступление мне подарили костюмчик-матроску. Тогда было модно одевать детей – и мальчиков, и девочек – в такие матроски. Мне мой наряд очень нравился, и я потом несколько лет ходила в школу именно в нем, хотя мне было что надеть и кроме него.

И вот однажды дома я решила посмотреть, как же выглядит содержимое чернильницы, если посмотреть сквозь нее на солнце. Чернильница была тяжелая, и когда я подняла ее, то не удержала и опрокинула на свою любимую матроску...

С ранним детством связана еще одна история. Когда я была совсем маленькая, то почему-то очень любила есть соль. У детей ведь их развитие идет по-разному: кто-то любит есть мел, отковыривает штукатурку, кто-то ест уголь, древесный, конечно, кто-то еще что-нибудь. Так вот у меня была странная потребность в соли. Я ходила по всем соседям (а квартира, напомним, у нас была большая, многокомнатная) и клянчила: «У мамы нет соли». Мне давали солонку, я съедала соль, а солонки складывала где-то в одном месте. Наконец, соседки стали говорить маме: «Зина, ты берешь соль, так хотя бы не забывай отдавать солонки». – «Какие солонки?» – «Как какие? Танька приходила, просила соль». Так все и открылось...

* * *

Жили мы вполне скромно, правда, не бедствовали, но ничего лишнего, никаких богатств у нас не было. Обычная московская семья, в меру обеспеченная – конечно, по скромным меркам того времени. Хотя у нас и была всего одна комната, пусть и разделенная на две, но и в таких условиях мама старалась, чтобы в доме было не просто чисто, но красиво. У нее была какая-то особая потребность в красоте. Она и сама от природы была красивым человеком – и внешне, и внутренне. Любила одеваться со вкусом сама и меня одевала красиво, когда у нас были возможности.

Даже в бытовом смысле мама умела все сделать так, что обычные домашние дела не выглядели у нее утомительным, прозаическим занятием. Бывало, затеет уборку, все вымоет, выстирает, выгладит и зовет соседку, что жила напротив нас: «Кира, приходи, мы с тобой чайку попьем». Быстро управится, приведет себя в порядок, наденет что-нибудь получше и начинает с Кирой сервировать стол. Достанут нарядную скатерть (у мамы белье, и столовое, и постельное, всегда было хорошим), красивые чашки, заварят вкусный чай... Устроят себе маленький праздник.

Что касается посуды, то кое-что из нее у нас было не просто красивым, а с «родословной». В квартире рядом с нашей жила семейная пара из «бывших». Кем были тетя Валя и дядя Дима до революции, не знаю, но по многим приметам эти люди были не просто «бывшие», а «очень бывшие». И внешне они выделялись своей породой – были очень красивыми. Красивым был и их сын, а вот дочь Лера, с которой я дружила, немного не удалась – в ней было что-то дебильное. Видимо, это было следствием некоторой печальной «слабости» родителей. Дело в том, что эта семейная пара страдала алкоголизмом. У них оставалось еще немало ценных вещей, которые они распродавали. Даже не распродавали, а спускали с рук по бросовой цене. Когда им не хватало денег на бутылку, тетя Валя просто выходила на улицу и тут же около дома предлагала прохожим купить у нее что-нибудь. А вещи у нее действительно были прекрасные. Однажды мама сказала ей: «Зачем ты отдаешь все это за бесценок? Давай я у тебя куплю и заплачу столько, сколько эта вещь действительно стоит». Так у нас появились старинные бокальчики с ручками, очень красивые, с медальонами, где были изображения императора. И еще у нас долго сохранялись какие-то очень красивые не то тарелочки, не то блюдечки...

Конечно, в те годы не было таких возможностей, как сейчас, но и тогда у людей не исчезала потребность украсить свою скромную жизнь, сделать ее интересной, содержательной. Вот и мама стремилась к этому. Поэтому у нас всегда было уютно. К нам очень любили приходить

гости – что-то тянуло их в наш дом. И был он открытым для друзей. Это старая московская традиция гостеприимства, когда любому, кто к вам пришел, были рады. И не важно, пришел ли он по приглашению или просто заглянул на огонек.

Вспоминаю ту особую теплую атмосферу в нашем доме и с сожалением отмечаю – теперешняя жизнь в Москве не похожа на прежнюю. Сейчас не приходится говорить о традиции жить открытым домом. Все меньше остается прежних москвичей, исчезают и прежние традиции. Населяют теперь Москву другие люди, принесшие с собой иной стиль жизни, так что отношения стали совсем другими. Все замкнулись, сосредоточенные на своих проблемах. И так не хватает старомосковской открытости. А ведь для всего этого вовсе не обязательно иметь деньги, для этого нужно другое богатство – души и сердца...

Я с детства помню, как у нас накрывали стол – для гостей ли, для обычного ли обеда или ужина. Накрывать стол – это особый ритуал, создающий ощущение домашнего уюта, душевного спокойствия. Поэтому, когда мне иногда говорят: «Пойдем посидим на кухне, попьем там чаю», я говорю: «Не хочу на кухню! Хочу, чтобы обеденный стол был нормальный и чтобы он был накрыт в комнате, как положено!» Мне тем более хочется этого сейчас, потому что в предыдущие годы я жила в таких квартирах, где основная жизнь проходила на кухне, и не в смысле готовки. В одной из моих прежних квартир даже в самой большой комнате я не могла поставить настоящий обеденный стол – миниатюрное подобие его стояло на кухне. А комнаты хватало лишь на то, чтобы поставить там журнальный столик, пару кресел да еще какую-то мебель, рассчитанную на стандартные квартиры. Так что обедать приходилось на кухне. И я все время вспоминала маму, вспоминала, как у нас проходили обеды и ужины, как мы принимали гостей за большим столом. Кстати, стол обладает магической силой объединять людей. А еда почти на ходу, притулившись на табуретке к маленькому столику, не создает ощущения уюта, настоящего единства семьи, ощущения дома.

Вот почему, когда у нас появилась теперешняя квартира в доме старой постройки (правда, пережившем капитальную реконструкцию), я сказала себе: «Ничего похожего на прежние мои квартиры, на унылый стандарт не будет!» Мне так хотелось, чтобы у меня было похоже на старую московскую квартиру, на дом моего детства. Хотелось создать аромат того времени, даже портьеры сделать особые – бархатные, в стиле уютной старины. И никаких современных стенок, за которыми в свое время все так гонялись. Хотя я понимаю, что в небольших квартирах они наилучший вариант меблировки – компакты, многофункциональны.

Но одно дело задумать что-то и совсем другое дело – осуществить. Старый московский дом вековой постройки, в который мы переехали, реконструировали наши строители. Они и перепланировали его в привычном им духе тех домов-коробок, которыми застроена вся Москва. Поэтому, чтобы получились нормальные комнаты, нам пришлось кое-что в квартире переоборудовать: что-то раздвинули, что-то перенесли. В результате вместо унылого коридора, куда выходили двери, получился хороший холл, за счет части коридора расширили и гостиную, где можно было наконец-то поставить большой овальный стол.

Кстати, когда мы въезжали в этот дом, то поняли, что переоборудованием квартир занимаются и другие жильцы: мы еще долго слышали, как на разных этажах раздавались звуки строительных работ, причем весьма интенсивных. Кто-то, увлекшись, чуть не просверлил насквозь фасадную стену дома (а стены у нас очень толстые). Да и мы, расширяя ванную, едва не «въехали» в квартиру к соседям...

* * *

Я уже говорила, что родители у меня были людьми веселыми, общительными. У них было много друзей, и гости в нашем доме не переводились. Редкий случай, чтобы у нас не собирались в субботу или в воскресенье. Бывало и так – мамы с папой еще нет дома, задержались по своим

делам, а мамины приятельницы уже пришли. И тогда, не дожидаясь хозяйки, они начинали сами накрывать на стол. Вот так запросто все было.

Раньше в гости приходили не только чтобы попить, поесть. У нас почти всегда пели, танцевали. Помню, у мамы была приятельница Катя, которая прекрасно, с большим чувством пела романсы. Была она хорошенькая, за собой следила, подкрашивалась. По-видимому, туши для ресниц тогда не было, и Катя, страшно сказать, красила их гуталином. И вот однажды сидит она у нас за столом, поет и вдруг начинает плакать от переполнявших ее чувств. Что было дальше с ее глазами, ресницами и лицом – и так ясно...

Чтобы гости могли танцевать, сдвигали стол к окну и освобождали середину комнаты. Умудрялись танцевать даже мазурку. Конечно, получалось без такого размаха, какой возможен в большом зале, но все равно было задорно, весело. Были у нас и вальс, и танго... Папа не только любил петь, но и, как я уже говорила, танцевал великолепно. Уже потом, когда я была студенткой и мои друзья собирались у нас, то наши девчонки непременно спрашивали: «А твой папа будет?» Так им нравилось танцевать с ним...

Я уже упомянула, что в нашей семье не было каких-то особых материальных излишеств. Но зато у нас было два патефона – по тем временам вещи недешевые. Причем оба – и голубой, и красный – работали исправно. Чтобы понять, почему у нас появился второй патефон, надо рассказать об особенностях характера моей мамы. Она отличалась хорошим вкусом к жизни и была немного транжира. Относилась к деньгам достаточно легко: сегодня их нет – не страшно, завтра будут. А уж если они появлялись, то не могла удержаться, чтобы чем-нибудь не порадовать себя и нас – обязательно их истратит. Так было и в истории со вторым патефоном.

До войны существовала такая организация – «Торгсин» (торговля с иностранцами, что-то типа недавней нашей «Березки»). В «Торгсине» можно было сдать изделия из золота, драгоценных камней, антиквариат и взамен купить дефицитные товары, продукты, которых не было в продаже в обычных магазинах. В начале 30-х годов в стране было не слишком сытно, в некоторых районах, например, на Украине, был самый настоящий голод, там вымирали целыми семьями, деревнями. И в Москве ощущалась нехватка продуктов. Папа работал тогда в ВЦСПС, и ему выдали пропуск в столовую, располагавшуюся в бывшем ресторане «Славянский базар» на Никольской улице. Мы ходили туда обедать, и это было пусть небольшим, но подспорьем для семьи.

Иногда мама покупала продукты в «Торгсине». У нее от бабушки Наташи оставались какие-то золотые украшения, ничего особенного – колечки, сережки. Мама ими не увлекалась (это передалось и мне: я никогда не стремилась покупать драгоценности, антиквариат, в основном все тратила на «тряпочки», поскольку любила, как и мама, красиво одеться). И вот в один прекрасный день мама пошла в «Торгсин», сдала какую-то золотую вещицу и уже собиралась купить что-то действительно необходимое для дома, как вдруг увидела красный патефон. И не устояла – ей почему-то захотелось иметь именно красный.

Так в нашем доме и сосуществовали мирно два патефона разного цвета. Еще когда купили первый, голубой, у нас появились пластинки. Я как сейчас помню – фирмы «Колумбия», с собачкой на круглой этикетке. Их часто слушали. Какие-то песенки были на польском языке, и я повторяла их, хотя совсем не понимала, о чем поется...

Интересно, как мама рассталась с последними своими бриллиантовыми сережками и колечком – она их выбросила собственными руками. Они лежали у нее в серебряном кувшинчике завернутые в бумажку. И вот, когда мама начала в очередной раз наводить порядок в комнате, то вытряхнула из кувшинчика ненужные, как она решила, бумажки и выбросила все на помойку вместе с другим мусором. Когда хватилась, вспомнила, было уже поздно. Конечно, поначалу она расстроилась, а потом успокоилась – выбросила и выбросила, что ж теперь поделаешь...

Из друзей папы, которые бывали у нас, мне припомнился один – заместитель коменданта Кремля Петухов, человек по тем временам значительный. Как они познакомились, как дружились, не знаю. Запомнила только, что Петухов был всегда подтянут, в портупее. У меня до сих пор хранится фотография, где они сняты вместе с папой. Мы дружили семьями. Петуховы жили напротив Кремля, около Манежа, в одном из домов, идущих параллельно Александровскому саду. Мы ходили к ним в гости. Помню какие-то темные дворы, парадные лестницы в коричневых тонах и большую квартиру, видимо, отдельную. Мне она казалась роскошной.

Петуховы тоже бывали у нас, приезжали к нам и на дачу, которую мы в течение многих лет снимали то в Салтыковке, то в Пушкине, то в Химках, прямо на берегу канала. В один из их приездов жена Петухова, Мария Ивановна, чуть было не попала под поезд, упав с платформы. В конце 30-х годов Петухов исчез из нашей жизни – попал в мясорубку начавшихся репрессий. Марию Ивановну сослали, а куда делась их дочь Валя, мне неизвестно.

* * *

Мои родители, как ясно из сказанного выше, к искусству не имели непосредственного отношения, если не считать любви к театру. Но, не имея сами музыкального образования, мечтали, чтобы их дочь научилась играть на рояле. Им тем более хотелось этого, что я все время что-то напевала. И меня отвели в школу имени Ипполитова-Иванова, что находилась неподалеку, на Марксистской улице. Там был музыкальный техникум и при нем детская школа. Мне купили пианино «Красный Октябрь». Помню, как мама стояла в очереди в магазине, отмечаясь ночами: в те времена пианино в продаже было редкостью.

Затем нас перевели в музыкальную школу имени Чайковского на Воронцовской улице. Последний год перед войной, которая прервала мою учебу, я занималась там. Моим педагогом была Анаида Степановна Сумбатян, строгая на уроках, но как человек очень добрая. Она хорошо относилась к моей маме, а мне прочила большое будущее. Мы бывали у нее в гостях – просто ходили пить чай. Анаида Степановна жила вдвоем с мамой. Как сейчас помню их квартиру, но где именно они жили, теперь уже не могу сказать точно.

Анаида Степановна была известным в Москве педагогом, она работала и в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории. У нее были ученики, ставшие потом знаменитыми, и среди них Владимир Крайнев. В последний раз я встретилась со своим педагогом около ГИТИСа, когда уже сама преподавала в нем. Однажды смотрю – идет по двору из ЦМШ моя дорогая Анаида Степановна, совсем старенькая. Я подошла к ней, поздоровалась, но она меня не узнала. Это и понятно – я же была совсем ребенком, когда мы виделись в последний раз перед войной...

Мои детские музыкальные впечатления связаны не только со школой, но в значительной степени с Большим театром. Дело в том, что у меня было «выгодное» знакомство – соседка-подружка Тося, отец которой работал в буфете театра. По воскресеньям дядя Федя мог брать нас с собой на утренние спектакли. В Большом на таких «утренниках» шли и балеты, и оперы. Попадая с Тосей в театр без билетов, мы, естественно, не имели мест, и дядя Федя устраивал нас в ложе, где мы усаживались за стульями на бархатный барьерчик. Слушала и смотрела я спектакли с увлечением. Иногда забывалась настолько, что начинала подпевать солистам. Зрители в ложе делали мне замечания: «Девочка, не надо петь! Ты мешаешь слушать». Я смущалась, убегала из ложи, потом возвращалась...

За несколько лет я выучила почти весь репертуар Большого театра. А вот спектаклей, которые шли на сцене его филиала, я не знала – такой возможности ходить туда у меня не было. Но судьба распорядилась так, что вот уже сорок лет я захожу в это здание со служебного входа... А наши с Тосей походы в Большой прервала война.

Что такое выступать перед зрителями, я поняла еще задолго до того, как попала в настоящий театр. Неподалеку от нас, в Дровяном переулке, жила замечательная супружеская пара. Это были старые московские интеллигенты, доброжелательные, прекрасно образованные и ставшие поделиться своими знаниями с окружающими. Таких людей прежде называли просветителями. Совершенно бескорыстно они возились с окрестной ребятней, собирая их у себя во дворе и устраивая с ними постановки. Назвать это настоящим драматическим кружком нельзя, но, разыгрывая сценки, дети получали стимул к творчеству, узнавали, что такое театр. А сами эти люди, занимаясь с чужими детьми, жили тогда в не самых лучших условиях – в подвале, куда наверняка попали из хорошей квартиры во времена гонений на «чистую публику», «господ», «буржуев»...

У нас дома хранилась фотография одного из таких наших «дворовых» спектаклей, где я была запечатлена в роли, кажется, принцессы, в какой-то накидке с цветами, а передо мной на коленях стоял мальчик в соломенной шляпе-канотье и держал меня за руку. Что это была за сценка, я уже не помню, только потом я почему-то постеснялась этой детской фотографии и разорвала ее. О чем сейчас жалею.

Конечно, участвовала я и в школьных спектаклях, где мы ставили целые пьесы. Еще я очень любила танцевать, и мама даже купила мне специально для выступлений на школьных вечерах красные сапожки. Эта фотография у меня, к счастью, сохранилась.

Учиться мне пришлось в нескольких школах. Первые четыре года я прозанималась в 419-й – это на углу Ульяновской улицы и Пестовского переулочка. Здание было старое, солидное. Видимо, когда-то здесь размещалась или гимназия, или какое-то другое учебное заведение – классные помещения были большие, окна высокие, полы каменные... В этой школе у меня была любимая учительница, первая в моей жизни – Юлия Евгеньевна Миньковская. Помню, у нее был тогда совсем маленький сынишка, рыженький, очень симпатичный Сережка. Она была вынуждена приводить его с собой на уроки, потому что дома его не с кем было оставить. И все мы с удовольствием по очереди нянчились с этим прелестным ребенком, возились с ним, играли...

После четвертого класса нас перевели в другую школу – 425-ю, на набережной Яузы, где я проучилась до начала войны. Потом было не до учебы – осенью и зимой 1941 года Москву сильно бомбили. Экзамены за седьмой и восьмой классы мне пришлось сдавать экстерном. В девятом я училась уже в другой школе, 428-й, здание которой сохранилось до сих пор. А к десятому классу начала заниматься пением и решила перейти в вечернюю школу. Отличницей я там не была – в аттестате у меня сплошь четверки. Что касается музыкальной школы, туда мне больше не пришлось вернуться.

* * *

Интересно, что когда началась война, то мы в отличие от других москвичей, уезжавших в эвакуацию, не только не покинули Москвы, а, наоборот, вернулись в нее. И вернулись не когда-нибудь, а в самый страшный для столицы день – 16 октября, когда в городе началась паника из-за слухов, что гитлеровцы вот-вот войдут, когда люди, объятые страхом, брали поезда на вокзалах чуть ли не штурмом.

Весной 1941 года папу (он тогда продолжал работать в ВЦСПС) командировали под Москву, в район Егорьевска. Тогда был какой-то сбой с доставкой в столицу леса из этого района – точно уже не помню, в чем дело. Знаю только, что папу «бросили на прорыв», исправлять положение. Он должен был находиться там несколько месяцев. Мы тоже поехали с ним и жили с мамой и совсем еще маленьким братом Володей (он родился в 1938 году) в деревне Запутной. Поселились в новом, только что построенном доме.

Но неожиданно в середине июня трехлетний Володя заболел, как потом выяснилось, воспалением легких. Родители срочно поехали в Москву, чтобы показать ребенка врачам. Я осталась одна, точнее, с нашей хозяйкой Зиной.

Вернулись они 22 июня, в день рождения мамы. У меня до сих пор стоит перед глазами, как она спускается со ступенек вагона пригородного «паровичка», растерянная, обнимает меня, прижимает к себе и говорит: «Доченька... Война...»

В те первые военные месяцы я успела поработать в местном колхозе. Хозяйство это было хорошее, крепкое. Вместе со всеми я ходила на уборку, жала хлеб, но умудрилась поранить себе руку серпом, у меня до сих пор на пальце остался небольшой шрам – память о том времени. Потом меня поставили работать на молотилке. От колосьев, соломы, зерен летела пыль, и именно тогда я «заработала» себе аллергию. Помню, как председатель колхоза, человек дельный, основательный, настоящий хозяин, говорил моей маме: «Какая у вас хорошая работница дочь растет... Вот бы мне таких работающих баб побольше...» А этой «работающей бабе» шел всего тринадцатый год...

Так как мы находились в ста двадцати километрах от Москвы, то по законам военного времени просто так въехать в город уже не могли – была введена система пропусков. И только к середине октября папа смог выхлопотать нам разрешение вернуться. Он грустно шутил: «Вот приедем сейчас, когда все убежит из города, и я сяду губернатором на Москве...» Губернатором он не стал – его призвали в армию. Потом уже его отозвали с фронта и он стал работать в аппарате Н. М. Шверника, первого секретаря ВЦСПС. Во время войны папа, как многие тогда, на волне искреннего патриотического порыва вступил в партию, хотя когда-то и был исключен из комсомола за свои «буржуазные» привычки одеваться элегантно, со вкусом...

Приехали мы домой. Каждый день бомбежки, постоянно звучали сигналы воздушной тревоги. Титовский дом был солидной старинной постройки, перекрытия там были фундаментальные, и подвалы под домом использовали как бомбоубежище. Но мы с мамой так ни разу и не спустились туда – все налеты просидели в нашей комнате.

Страхи, ужас тех дней я помню хорошо. Как-то однажды прибежал кто-то из соседей: «Ой! На Таганке школу разбомбили!» А в этой школе как раз поселили людей из окрестных домов, которые уже были разрушены. Оказалась там и семья маминого брата – его жена и дети. И вот мама, не помня себя от волнения, ринулась туда. Прибежала... Увидела, что бомба попала не в школу, а в соседнее с ней здание.

Рассказывать подробно о том, как нам жилось во время войны, вряд ли стоит. Как и многие тогда, мы просто старались выжить. Поставили в середине комнаты печку, провели от нее трубу через форточку. Готовили на этой печурке нехитрую еду, иногда жарили лепешки из картофельных очисток. Маме удалось устроиться работать в столовую, и она имела возможность приносить детям хоть немного похлебки. Назвать супом тогдашнее варево было бы не совсем верно. Но и это было подспорьем. За войну мама похудела на двадцать пять килограммов.

А вот меня ничего не брало: несмотря на несытую жизнь, я оставалась полненькой. За те месяцы, что мы прожили под Егорьевском, я не только выросла, но и вдруг как-то сразу поправилась на деревенских харчах. Когда в октябре мы вернулись в Москву, меня никто не узнавал. Крестная моего брата, и та спросила: «А это что за барышня?» Мне не давали моих лет, поскольку я выглядела на все шестнадцать. Я даже не хотела ходить в магазин отоваривать хлебные карточки – стеснялась своей полноты, говорила маме: «Не пойду туда. Мне стыдно. Там все худые, а у меня такие круглые щеки...» Почему в те полуголодные годы я была толстушкой – не знаю. Может, так развивался мой организм, может, у меня был нарушен обмен веществ?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.